

А.С. Майданов

От мифического образа явления к научному

Для понимания мифов требуются особые методы их истолкования и прежде всего методы выявления того содержания, которое можно рассматривать как когнитивную информацию, а также методы реконструирования стоящих за мифологическими образами событий и явлений. Таким образом, проблема понимания мифов – это проблема подхода к ним как к источникам знания, проблема поиска реальных референтов, представленных эзотерическим содержанием. Применим эту установку к одному из центральных мифов великого памятника мировой литературы Ригведы (далее – РВ), созданной древнеиндийскими поэтами-риши, к мифу о демоне Вритре, о его злых деяниях и об убийстве этого демона богом грома и молнии Индрой. Задача состоит в том, чтобы показать, что этот миф содержит богатую и чрезвычайно интересную с эпистемологической точки зрения информацию. Она касается крупного природного катаклизма, сильно повлиявшего на судьбу арийских племен, находившихся в Средней Азии примерно в середине второго тысячелетия до н. э. Для извлечения информации из этого мифа требуется новый, по сравнению с применявшимися до сих пор в мифоведении, подход к его истолкованию и комплекс специальных приемов его дешифровки. Анализ мифа с помощью этих средств позволит выявить те мыслительные операции, которые были использованы его авторами при отображении экстраординарного природного явления.

Содержание мифа

Этот миф имел такое большое значение для индоариев, занимал в их сознании столь существенное место, что его содержание многократно воспроизводится в РВ в разных вариациях. Приведем наиболее полную из них, изложенную в гимне I,32:

Индры героические деяния сейчас я хочу провозгласить:
Те первые, что совершил громовержец.
Он убил змея, он просверлил русла вод,
Он рассек недра гор.

Он убил змея, покоившегося на горе.
Тваштар¹ ему выточил шумную дубину.
Как мычащие коровы, устремившись к телятам,
Прямо к морю сбегают воды.

Разъяренный, как бык, он выбрал себе сому,
Он напился сомы, выжато в трех сосудах,
Щедрый схватил метательный снаряд – ваджру.
Он убил его, перворожденного из змеев.

Как плохой боец в пьяном угаре Вритра вызвал
Великого героя, покоряющего силой, пьющего выжимки сомы.
Он не выдержал натиска его оружия:
Безликий от пролома, он раздавлен – тот, кому Индра враг.

Безногий, безрукий боролся он против Индры.
Тот ударил его дубиной по спине.
Вол, хотевший стать противником быка,
Вритра лежал, разбросанный по разным местам.

Через него, безжизненно лежащего, как раскрошенный тростник,
Текут вздымаясь воды Ману.
Те, кого Вритра некогда с силой сковывал,
У их ног лежал теперь змей.

Поникла жизненная сила у той, чей сын – Вритра.
Индра сбросил на нее смертельное оружие.
Сверху – родительница, внизу был сын.
Дану лежит, как корова с теленком.

Среди неостанавливающихся, неуспокаивающихся
Водяных дорожек скрыто тело.

Воды текут через тайное место Вритры.
В долгий мрак погрузился тот, кому Индра враг.
Единый бог, ты завоевал коров, ты завоевал сому, о герой!
Ты выпустил для бега семь потоков.

В этом гимне далеко не все понятно. Комментаторы РВ обращают внимание на наличие в нем ряда темных мест. Понять гимн можно, если удастся уяснить, какая реальность отображена в нем в мифической форме. Нас не может удовлетворить непосредственно воспринимаемое содержание мифа. В этом случае оно приобрело бы характер сказки, созданной исключительно для того, чтобы вызвать эстетический, эмоциональный эффект. Но функции мифа шире, кроме такого эффекта он всегда имеет прагматическую значимость, касается какой-то важной стороны в жизни социума. Это качество он может иметь только тогда, когда в нем заключено какое-то реальное содержание. Задача и состоит в том, чтобы за внешней формой, которая является не чем иным, как метафорой, найти реальное содержание, благодаря которому миф и становится значимым для практически ориентированного сознания архаичных индивидуумов. Можно сказать, что миф своими специфическими средствами всегда решал какую-то реальную практическую или познавательную задачу. Поэтому он имеет двойную структуру – реальное ядро и внешнюю, измышленную фантастическую надстройку или оболочку. Что же может представлять собой реальное ядро мифа о Вритре? Другими словами, какое знание можно извлечь из этого творения арийских мудрецов? Можно предположить следующее: поскольку данный миф занимает одно из центральных мест в древнеиндийской мифологии, то, следовательно, он должен был обозначить какое-то крайне важное явление или событие в жизни ариев.

Космогонические трактовки

В мифоведении наиболее распространен именно этот подход к толкованию данного мифа. Его суть состоит в том, что сражение Индры с Вритрой трактуется как действия демиурга, победившего силы хаоса и инертности и создавшего организованный космос.

Эту трактовку разделял известный религиовед Мирча Элиаде. В его работе «Пролегомены религиозного дуализма: диады и противоположности» мы читаем: «В ведийской мифологии доминирует тема борьбы между Индрой и драконом Вритрой. Я уже указывал на космогоническую структуру этого мифа. Освобождая воды, заточенные Вритрой в горах, Индра спасает мир; символически он создает его заново. В других вариантах мифа обезглавливание и рассечение Вритры на части выражает переход от виртуальности к актуальности творения, поскольку Змея – символ неявленного»².

Одним из наиболее страстных приверженцев космогонического подхода был известный голландский индолог Ф.Б.Я. Кёйпер. В статье «Основополагающая концепция ведийской религии» он писал: «Ключ к проникновению в эту религию нужно искать, я полагаю, в ее космогонии, т. е. в мифе, который рассказывает нам о том, как некогда стал существовать мир. Первостепенное значение этому мифу придавал тот факт, что всякий важный момент жизни рассматривался как повторение этого изначального процесса. Таким образом, миф был не просто рассказом о том, что случилось давным-давно, и не умозрительным объяснением того, как этот мир стал тем, что он есть. Происхождение мира явило собой прототип бесконечно повторяемого процесса постоянного обновления жизни и мира»³.

Немецкий исследователь древнеиндийской мифологии Г.Людерс представлял Вритру как дракона, который проглотил своего рода каменный ларец, или сосуд. За этим каменным затвором замкнут небесный океан, в котором находятся воды, сома и звезды. Индра в битве с Вритрой стремится разбить каменный сосуд и освободить небесные воды⁴. Таким образом, Людерс переносит события, описываемые в мифе, в пространство космоса и связывает их с началом творения мира. Так же поступает и Кёйпер. Но он строит другую картину этого события и притом разработанную более детально. Вот истолкование Кёйпером мифа о Вритре, который для него является мифом о творении.

В начале была лишь вода. Эти изначальные воды несли в себе семя жизни. Со дна поднялся небольшой комок земли, затем он расширился и стал горой, началом Земли. Мир был еще нерасчлененным единством. Никаких контрастов, характеризующих наш явленный мир, тогда еще не было. Не было ни неба, ни Земли, ни

дня, ни ночи, ни света, ни тьмы. Состояние нерасчлененного единства внезапно кончилось на второй стадии космогонического процесса, начавшейся с рождения бога Индры за пределами изначального мира. В мире неорганизованной материи он начинает процесс (демиургический акт), благодаря которому мир потенциальный становится миром реальным. Демиургический акт Индры состоит из двух различных частей. Холм, который все еще плавает на изначальных водах, должен быть расколот до основания и вскрыт. Однако в нем заключена значительная сила сопротивления, и героическая борьба Индры, хотя она иногда описывается как направленная против холма, чаще направлена против этой силы, обозначаемой словом *wtra* («препятствие, сопротивление»). В мифе сила сопротивления олицетворяется драконом. Индра убивает дракона, и из холма вырывается жизнь в двух формах – воды и огня. Вода представлена четырьмя реками, струящимися с вершины холма в четырех различных направлениях, а огонь – солнцем, поднимающимся из холма и из вод. Холм начинает расти во все стороны, пока не достигает размеров земли. В то же время он остается центром космоса и гвоздем, который прикрепляет Землю к своему месту.

Толкование Кёйпера вступает в противоречие со многими элементами содержания мифа. Подняв значение этого мифа до уровня картины творения мира, увлекшись описанием грандиозного космогонического процесса, он тем самым заслонил сам себе те моменты в мифе, которые свидетельствуют о том, что этот мир, согласно содержанию всей Ригведы, уже давно сотворен, что уже существуют многие его элементы, в том числе и Земля.

Хтонический подход⁵

Эти элементы наводят на мысль о необходимости иного, противоположного подхода к трактовке данного мифа, а именно подхода к описываемым в нем событиям как событиям, происходившим на Земле, притом на уже давно существовавшей Земле. Данные элементы кроме того позволят нам показать реальность лежащего в основе мифа действительно грандиозного, но однако земного события. В итоге станет ясным, что нарисованная Кёйпером картина на деле представляет собой не трактовку мифа о Вритре, а сама по

себе является новым мифом, далеко отошедшим от земного характера содержания мифа РВ и представляющем еще один вариант панорамы миротворения.

Прежде всего заметим, что у индоариев был другой миф о творении мира, и он совершенно не связан с мифом о Вритре. В нем, в отличие от последнего, во вполне ясной, незотерической форме описывается процесс создания мира. Этот миф излагается в РВ (X, 7) и в «Атхарваведе» (X, 7; XIX, 6). Согласно ему боги создали Вселенную из космического человека – гиганта Пуруши, расчленив его на части. Каждая из этих частей преобразовалась в какую-либо часть, элемент мира. В мифе о Вритре нет каких-либо корреляций между этим демоном и его частями, с одной стороны, и соответствующими частями или характеристиками Вселенной. В этом отношении данное существо полностью привязано к Земле, наделено признаками явления исключительно земной природы. Укажем некоторые из этих признаков.

Авторы РВ характеризуют Вритру как «запруды рек» (III, 33,6), «скалу-плотину» (IV, 18, 6). Само слово «вритра» буквально означает «затор», «преграда», «препятствие». У нас нет оснований не воспринимать эти значения в прямом смысле и придавать им какой-то космический смысл. Они могут отражать вполне естественное событие, которое с огромной долей вероятности могло произойти в том крае, где тогда находились арии, – в Средней Азии. Исползованные по отношению к Вритре эпитеты – бесплечий, безрукий, безногий – как раз и могут быть применены к запруде, к плотине. Именно в месте запруды могли быть такие явления, о которых говорится в мифе, как появление бурных потоков (I,52,2). Этот признак позволяет авторам мифа назвать Вритру «бушующим» (I, 80,5), «шипящим» (I,61,10), «ревушим змеем» (VI, 17,10).

Вритру поэты характеризуют самыми уничижительными эпитетами. В них они выражают свое крайне неприязненное отношение к этим явлениям, ставшим для них злом, помехой в осуществлении жизненно важных и больших целей. Вритра для ариев – лежащий беззаботно змей, могучий зверь (V,32,2–3), безбожный (I,32,6), самый низкий из всех существ (V,32,7), наполненный яростью (V,32,4), ненасытная пасть, безногий злоречивый пожиратель (V,32,8), фыркающий глотатель (V,29,4). Такое аморальное

чудовище, естественно, не могло быть зачатком Земли, чем считал Вритру Кёйпер. Земля же ариями, напротив, сама считалась божественным явлением. И такое явление ведийские риши производили не от какого-либо демона, а от человека-великана, о чем говорит миф о Пуруше.

О том, что Земля, вопреки суждениям Кёйпера, не была создана из Вритры, свидетельствуют еще и те места в гимнах РВ, из которых явствует, что Земля существовала до Индры и Вритры со всем многообразием находящихся на ней существ и предметов. Индре не нужно было творить Вселенную и Землю из некоего первичного холма. Когда он родился, они уже были. Земля была во всем своем облике (с морями, горами, реками, животными) и в тот момент, когда Индра боролся с Вритрой.

Великий катаклизм

Установив, что событие, связываемое с Вритрой, представляет собой чисто земное явление и есть не что иное, как огромная запруда, перегородившая большую реку, мы вправе предположить, что вслед за этим должно было произойти и другое такое же земное явление – наводнение, притом огромных масштабов. С другой стороны, ниже запруды должно было прекратиться течение вод. Это вызвало бы засуху и опустошение на землях, ранее обводняемых речными водами. Поищем подтверждения этим предположениям в гимнах РВ.

Запруду образовала «гора великая, широкая» (I,57,6). «Скованными» оказались семь рек (IV,28,1). По выражению поэта, «воды стояли, скованные, как коровы» (I,32,11).

Как одна запруда могла перекрыть сразу семь рек? Реки слились в единый поток и перестали течь «по отдельности» (II,17,3). На большом пространстве стояли «великие воды» (VIII,3,15). Они уже не текли, как прежде в море. Это был «замкнутый», «великий скованный водопад рек» (VI,17,12). Воды стали растекаться по земле (III,31,16; IV,30,12). Разлив вод был настолько обширным, что один поэт назвал его океаном (I,174,9). Ниже запруды, напротив, вод не было, там от отсутствия влаги страдали «жаждущие пустыни и поля» (IV,19,7). Нарисованная картина выглядит вполне

возможной в действительности. Поэтому можно говорить, что РВ в данном случае воспроизводит ситуацию не мистического, а реального катаклизма.

Хтонический подход привел поиск трактовки мифа с небес на землю, к достаточно прозаическим, хотя и весьма масштабным земным явлениям. Но именно потому что эти явления происходили на земле, они весьма непосредственно и очень ощутимо задевали интересы первобытных людей и беспокоили их больше, чем воображаемые события процесса мироздания. Бедственное положение ариев, о котором говорится в гимнах «периода Вритры», чувство страха и ужаса, испытываемые ариями в это время, говорит о том, что катаклизм был не мифическим, а реальным, и происходил рядом с ними. И именно поэтому риши многократно взывают к богам и прежде всего к Индре с просьбой убить Вритру, и поэтому Вритре придается отвратительный вид.

Запружение рек, отраженное в мифе, и его последствия, по видимому, действительно были грандиозными, если они так ярко и во множестве вариаций воспроизведены в РВ.

Поиск прототипа Вритры

Для решения этой задачи прежде всего нужно определить реку, на которой мог произойти описываемый в РВ катаклизм. В этой книге говорится, что Вритра лежал «на великой реке» (II. 11. 9). Такой рекой здесь была Амударья. Кроме того в РВ указывается еще один признак этой реки: освобожденные Индрой воды потекли к морю. Действительно, Амударья течет к морю – к Аральскому. Обратимся к другому источнику – к Авесте. В ней описывается дельта той реки, на которую пошел авестийский герой-воитель Кэрсаспа, чтобы убить змея Гандарву, т. е. Вритру:

Из края в край волнуется
Все море Ворукаша
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью протоков
И тысячью озер... (Ардвисур-яшт. 4)⁶

Ардвисурой в древнеиранских текстах называлась Амударья. Картина, изображенная в приведенных строках, полностью совпадает с тем, как выглядит дельта Амударьи.

Но теперь нужно доказать сведениями не из мифов, а из других более достоверных источников, в том числе научных, что именно на этой реке образовалась когда-то запруда и вызвала тяжелые для людей последствия. Такие сведения могут содержаться в сочинениях древних авторов. И действительно, у некоторых из них, начиная с греческих историков Геродота и Ариостобула (V–IV вв. до н. э.) и кончая арабскими и персидскими географами (X–XIV вв. н. э.), мы находим сведения о реках Средней Азии и в том числе об Амударье, которые являются важными для исследования нашей проблемы. Наше внимание привлекают прежде всего указания на то, что в древности Амударья не раз меняла направление своего течения: она впадала то в Каспийское, то в Аральское море. Какая причина заставляла ее делать это? Не появлялись ли на ее пути какие-нибудь преграды, наподобие запруд и т. п.?

Более информативным в этом отношении является рассказ о характере ее течения, который мы находим у хорезмского энциклопедиста Абу Рейхана аль-Бируни (973–1048 гг.). Он родился и жил некоторое время в Хорезме, находящемся в дельте Амударьи, изучал эту реку, ее историю. В одном из сочинений Бируни мы узнаем о чрезвычайно беспокойном характере Амударьи, энергично перемещавшейся в давние времена по пустыням Средней Азии, переходя от одного моря или впадины к другому морю или впадине, совершая неоднократные повороты под влиянием различных препятствий – гор, песков, а главное, создаваемых ею самой преград из принесенного ила⁷. Вот здесь мы подошли к сердцевине загадки о демоне Вритре. Но чтобы разгадать ее, нам нужны более полные сведения.

Их мы находим в научных трудах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П.Толстова и М.А.Итиной (1930–1990 гг.). Ее задачей было изучение истории орошения в данном регионе и, конечно, исследование существовавших здесь в далеком прошлом культур, сложившихся в III–I тысячелетиях до н. э. В результате долгих и масштабных исследований экспедиции удалось реконструировать всю историю Амударьи, восстановить картину создаваемых ею дельт и тем самым воспроизвести географические и экологические условия, в которых про-

ходила здесь во втором тысячелетии до н. э. жизнь пришедших сюда из Приуралья и Казахстана арийских племен, направившихся затем дальше на юг – в Индию. В этой картине и можно найти материал для истолкования мифа о Вритре.

Археологи установили, что несомый рекой аллювий интенсивно откладывался и перегородил Амударью в середине ее дельты, перекрыв запрудой узкий коридор между ее южной и северной частью. Река перестала течь в Аральское море. Спустя некоторое время воды прорвались через запруды. Возобновился сток вод по многочисленным руслуам и протокам в Арал. Символом запруды и был демон Вритра, которого одолел Индра. Впечатляющую картину прорыва запруды и бурного течения вод через нее к морю и отобразили арийские поэты в анализируемом мифе.

Да, именно об этом земном явлении, а не об явлении в надземном мире идет речь в следующих стихах:

Он (Вритра. – *А.М.*) не выдержал натиска его (Индры) оружия:
Безликий от пролома, он раздавлен ... (I, 32, 6).

Он (Индра. – *А.М.*) убил змея, пустил течь семь рек,
Раскрыл отверстия, которые были словно запруды. (IV, 28, 1).

Великий скованный водопад рек,
Замкнутый, ты выпустил течь – волну вод.
По их отлогим руслуам, о Индра, по их пути
Ты пустил течь вниз деятельные воды в океан (VI, 17, 12).

Освобожденные Индрой, стоящим на колеснице, правящим
булаными конями,
Мчатся вперед живые реки к общей цели, но по отдельности (II, 17, 3).
Он наполнил влагой жаждущие пустыни и поля (IV, 19, 7).

Методологические выводы

Применяемый в статье арсенал средств не ограничивается этническим подходом. Он включает в себя ряд других руководящих идей, исходных установок и методологических приемов.

Прежде всего я исхожу из представления о высокой степени прагматичности гимнов РВ, а следовательно, и содержащихся в них мифов. В период создания РВ индоарии находились в слож-

ном материальном и социальном положении. Они испытывали множество нужд и потребностей – в новых землях и пастбищах, в скоте и продовольствии, в безопасном существовании, в согласии внутри племен и между племенами. Преодолеть все это они стремились с помощью богов. Поэтому все их молитвы и призывы к богам направлены на получение от них помощи, поддержки, богатств, скота, потомства и т. д. Важнейшей просьбой была просьба о помощи в завоевании новых земель. Благодаря такой направленности интересов ариев их гимны и мифы отразили реальное бытие этого социума, их обыденные желания, мысли и стремления. Это, в свою очередь, обусловило реалистичность содержания РВ. Она стала, по существу, летописью жизнедеятельности индоариев в последний период их пребывания в Средней Азии и в период завоевания ими северо-западной Индии. Отсюда высокая информативность РВ. В ней сочетаются богатый слой реалистического содержания и такой же богатый слой содержания воображаемого. Но и воображаемое содержание также высоко информативно. Оно в мифологических сюжетах и образах, в иносказательной форме отражает многие стороны и события реальной жизни. Проблема поэтому заключается в нахождении средств и приемов извлечения из мифологических текстов прямо и непосредственно представленного реального содержания, а также вычленения такого же содержания из продуктов воображения.

Воображаемое содержание формировалось в мифе путем превращения естественного в сверхъестественное. При этом мифотворцы не считали его вымыслом. Для них оно обладало такой же реальностью, как и то содержание, которое отображало непосредственно видимое и слышимое. Средством формирования воображаемого содержания была субъектная парадигма. Она включала в себя представления о человеке как об активном существе, действующем сознательно и намеренно, ставящем перед собой цели, обладающем волей, стремящемся к осуществлению своих желаний. В повседневной практике человек видел, что предметы, с которыми он оперировал в процессе трудовой и другой деятельности, сами по себе косны, инертны. Они изменяются лишь в результате его сознательных действий. Таким образом, архаичные люди различали инертное и активное и мыслили об окружающем в рамках этой оппозиции. Они считали, что если в природе происходят какие-то из-

менения, имеет место какая-то активность, то и там должны быть субъекты. В условиях отсутствия каких-либо представлений о физических силах и активных естественных факторах было логично в рамках субъектной парадигмы создать образы существ, изменяющих, движущих, порождающих или уничтожающих природные объекты или явления. А если эти объекты или явления были достаточно масштабны, то этим существам придавался облик сверхсуществ. Такие существа, также как и люди, думали, сознательно действовали, стремились к достижению каких-то целей, осознавали себя и т. п. Так, Вритра имел представление о своих силах.

Как к субъектам в своей социальной среде, так и к вымышленным субъектам архаичный человек имел морально-оценочное отношение. А поскольку эти субъекты в сознании первобытных людей образовывали единство с объектами и явлениями, активным началом которых они считались, то объекты и явления также подпадали под этическую оценку. Их считали добрыми или злыми в зависимости от того, приносили они человеку пользу или, напротив, причиняли вред. Это разделение выразилось в создании противоположных по моральным качествам сверхсуществ – богов и демонов, которые в свою очередь принимали, с одной стороны, образы мужественных героев, добрых помощников и покровителей, таким был, например, Индра, а с другой стороны – хищных и злых животных, например, драконов, змеев, одним из которых был Вритра.

Описание природных явлений в рамках субъектной парадигмы порождало образы или картины, являющиеся метафорами или аллегориями. Но таковыми они представляются нам. Для архаичного человека содержание этих образов и картин было реальным, имело прямой, а не иносказательный смысл. Мы же можем сделать вывод, что метафоры и аллегории появились не как художественные приемы, а как результат описания явлений и событий средствами неадекватной парадигмы, каковой была субъектная парадигма по отношению к природным явлениям.

При истолковании мифов можно осуществить обратную операцию – десубъективизацию их содержания, что позволит освободить его от образов сверхсуществ и увидеть то реальное явление, которое явилось прототипом мифического персонажа. Этим способом удастся расчлнить сложную комбинацию реального и вымышленного и осуществить деидеификацию и натурализацию

содержания мифов. Эта операция обратна той, которую осуществляли мифотворцы при создании образов сверхсуществ – деификации физических сил и явлений.

Уточнить реалистическое содержание мифа и подтвердить его истинность помогает метод сравнительного межжанрового анализа. Он состоит в том, что выявленному реальному содержанию отыскивается аналог в научных описаниях соответствующих явлений или в достоверных рассказах очевидцев. Этот метод и был использован в данной статье для подтверждения выдвинутой гипотезы относительно прототипов событий, связанных с образами Индры и Вритры.

Для архаического сознания характерно квазивосприятие, т. е. такое восприятие, которое смотрит на явления через призму неадекватной им парадигмы. Вследствие этого нечто принимается за что-то качественно иное, т. е. неосознанно осуществляется операция субституции – замены адекватного образа неадекватным. В результате этого то или иное явление включается в круг неоднородных с ним явлений, порождая эклектические множества. Такое физическое явление, как запруда, превращается в явление биосоциальной сферы. Вследствие квазивосприятия явлению приписываются не свойственные ему черты, черты качественно иного рода, благодаря чему формируется гетерогенный образ явления, соединяющий в себе имманентные соответствующему явлению признаки и чужеродные. Научное же мышление старается видеть в явлении его собственную природу, пытается объяснить и представить его, исходя из его собственного содержания и содержания релевантной ему области действительности. Для этого оно прилагает усилия с целью привлечения адекватной парадигмы, определения его природы именно через такую парадигму. Оно руководствуется идеей о том, что области действительности являются качественно различными, а поэтому крайне важно правильно выбрать парадигму, адекватную исследуемой области. Если же для объяснения явления привлекаются понятия и представления из неадекватной парадигмы, то результатом этого является трансформация возникшего в чувственном восприятии образа явления, превращение его в фантастический образ. Этим объясняются трудности при истолковании мифических образов. Они утрачивают более или менее определенное сходство со своими реальными прототипами. Значительная

часть их содержания – вымышленная – не обладает референцируемостью и уводит другую их часть – реалистическую – в сторону от прототипа. Вследствие такого двойственного характера мифических образов они оказываются противоречивыми образованиями – гибридами, соединяющими в себе разнородные компоненты, тогда как научные образы явлений большей частью однородны по содержанию, гомогенны, поскольку включают в себя реалистическое содержание, призванное быть референцируемым.

Мифологическое мышление обладает способностью к конструированию нового содержания. Конструирование свойственно и научному мышлению. Но первое еще не выработало соответствующих правил и методов этой мыслительной деятельности. К ним, в частности, относится требование тщательного эмпирического исследования явления, привлечение релевантной парадигмы, проверка мыслительных построений на их соответствие реальным референтам и т. д. Несоблюдение подобных установок приводит к тому, что в содержании образа появляется избыточное, неререференцируемое содержание, порождающее аберрации в картине мира. Но несмотря на эти и другие дефекты, мифические образы тем не менее обладают существенным позитивным качеством. Оно связано с реалистическим компонентом его содержания. Благодаря этому компоненту такие образы или изначально или позднее оказываются дополнительными по отношению к научным образам. Они способны дать такую информацию, которой может не быть по какой-либо причине в образах, построенных научным мышлением. Эта информация часто выполняет роль подсказки, стимула, ориентира в поиске и изучении тех или иных явлений, на каком-то этапе еще не постигнутых наукой. Познавательные операции, осуществляемые благодаря такой функции мифических образов, обеспечивают эволюцию знания от мифологического его варианта к научному. При этом научное знание не исключает полностью мифологическое. Как мы видим на примере соотнесения археологии и мифологии, последняя может существенно дополнить материалы, полученные археологией. Они представляют собой материальные объекты (кости, керамические сосуды, каменные или металлические орудия, остатки жилищ), которые не очень «разговорчивы». Они мало говорят о судьбе людей, когда-то связанных с ними, о событиях обыденной жизни этих людей, об их чувствах, пережи-

ваниях, взглядах, об их духовном мире. Мифология же, напротив, до краев наполнена именно таким содержанием. В ней отображена прежде всего духовная и душевная жизнь людей, их отношения друг к другу и ко всему окружающему. Синтез этого содержания с предметами материальной культуры оживляет последние, превращает их в неотъемлемую материальную основу многослойной динамической жизни и культуры древних людей.

Примечания

- ¹ Тваштар – бог-создатель всех форм во Вселенной, живых и неживых. Сома – опьяняющий напиток, получаемый посредством выжимания из одноименного растения. Ваджра – дубина грома, мощное оружие Индры. Ману – мифический правитель людей. Дану – мать Вритры.
- ² *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 239.
- ³ *Кёйпер Ф.Б.Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 28.
- ⁴ *Luders H.* Varuna. I. Gottingen, 1951. S. 170.
- ⁵ Хтонический – от греч. chthon – земля.
- ⁶ Цит. по изд: Авеста в русских переводах / Пер. И.М.Стеблина-Каменского. М., 1998.
- ⁷ *Бируни Абу Рейхан.* Избр. произведения. Т. III: Геодезия. Ташкент, 1966. С. 95–96.